

DOI: 10.31696/S086919080032570-4

«ИНКВИЗИЦИЯ» И «ГЕНОЦИД»? ИЗРАИЛЬСКАЯ ПОЛИТИКА АБСОРБЦИИ
В ОТЧЁТЕ «КОМИССИИ ФРУМКИНА»

© 2024

Р.Е. РОМАНЕНКО ^а

^а — Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия
ORCID: 000-0003-0523-9179; romanenkore@my.msu.ru

Резюме: 17 января 1950 г. в Израиле была впервые в истории создана Государственная следственная комиссия, более известная сегодня как «комиссия Фрумкина». Её целью стало расследование многочисленных обвинений, публиковавшихся в израильских и зарубежных средствах массовой информации с лета 1949 г. Все они касались религиозных евреев, находившихся в лагерях для иммигрантов — специальных местах, куда временно перемещали всех евреев, только что «репатрировавшихся» в страну, на период поиска им постоянного жилья. В СМИ утверждалось, что правительство Израиля намеренно препятствует осуществлению религиозного образа жизни в лагерях, что является частью осознанной политики по притеснению религиозных евреев. С осени 1949 г. некоторые оппозиционные израильские политики начали публично требовать официального расследования на предмет наличия дискриминации религиозных евреев в лагерях. «Комиссия Фрумкина», подтвердила многие из тиражировавшихся в СМИ случаев притеснения религии или препятствования религиозному образу жизни в лагерях для иммигрантов. Это стало основанием для части исследователей полагать, что в еврейском государстве тех лет осуществлялась системная политика по принудительной ассимиляции религиозных евреев. Правительство таким образом пыталось заместить религиозные ценности иммигрантов — светскими ценностями сионизма. В данной статье на основе анализа отчёта «комиссии Фрумкина» демонстрируется, что нет никаких серьёзных оснований полагать наличие государственной политики по целенаправленному навязыванию сионистских светских ценностей еврейским религиозным иммигрантам. Сама комиссия не признала правительство Израиля напрямую ответственным за эти нарушения. Поэтому в притеснении религиозных евреев скорее стоит обвинять конкретных чиновников и служащих, непосредственно занимавшихся делами иммигрантов в лагерях и пользовавшихся отсутствием чётких инструкций и надзора со стороны правительства, что и приводило к своеволию и «самоуправству» на местах.

Ключевые слова: государственная комиссия, антирелигиозная пропаганда, израильская политика абсорбции, принудительная ассимиляция, восточные евреи, лагеря для иммигрантов, еврейские репатрианты, Израиль

Для цитирования: Романенко Р.Е. «Инквизиция» и «геноцид»? Израильская политика абсорбции в отчёте «комиссии Фрумкина». *Восток (Oriens)*. 2024. № 6. С. 181–190. DOI: 10.31696/S086919080032570-4

“INQUISITION” AND “GENOCIDE”? ISRAELI ABSORPTION POLICY
IN THE “FRUMKIN COMMISSION” REPORT

© 2024

Roman E. ROMANENKO ^a

^a – Institute of Asian and African Studies,
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
ORCID ID: 000-0003-0523-9179; romanenkore@my.msu.ru

Abstract: On January 17, 1950, Israel established its first ever state inquiry commission, better known today as the «Frumkin Commission». Its purpose was to investigate numerous complaints and accusations that had appeared in Israeli and foreign media since the summer of 1949. All of them concerned religious Jews who resided in camps for immigrants – special places where all Jews who had just “repatriated” to the country were temporarily placed until provided with permanent housing. There were claims in the media that the Government of Israel intentionally prevented religious lifestyle in the camps. It was considered a deliberate policy of oppression. Since the autumn of 1949, some Israeli politicians have publicly started to demand an official investigation of the case. The «Frumkin Commission» confirmed numerous cases of religious oppression in the camps. All that became the basis for some researchers to claim that in Israel at the time a policy of forced assimilation was implemented against religious Jews. The government thereby tried to replace their religious values with the secular values of Zionism. This article, based on the analysis of the testimonies given in the «Frumkin Commission» report, demonstrates that there are no serious grounds to believe that there was a government policy of deliberately imposing Zionist values on Jewish immigrants. Rather, one should mention the lack of government control over the absorption policy, which led to the arbitrariness and self-will of officials and employees directly involved in matters of the camps.

Keywords: state commission, anti-religious propaganda, Israeli absorption policy, forced assimilation, Eastern Jews, immigrant camps, Jewish repatriants, Israel

For citation: Romanenko R.E. “Inquisition” and “Genocide”? Israeli Absorption Policy in the “Frumkin Commission” Report. *Vostok (Oriens)*. 2024. No. 6. Pp. 181–190. DOI: 10.31696/S086919080032570-4

17 января 1950 г. впервые в израильской истории назначается Государственная комиссия по расследованию, инициированная правительством для оценки обоснованности участвовавших с лета 1949 г. «жалоб и обвинений, касающихся вопросов религии и образования в лагерях иммигрантов», в особенности со стороны еврейских иммигрантов из Йемена [ISA, *Vaadat Frumkin*, 1950, p. 4]. Давид Пинкас, представитель «религиозного фронта»¹ в комитете Кнессета по образованию и культуре, сравнивал происходящее с «уничтожением религии и культуры» [ISA, *Vaadat Frumkin*, 1950, p. 21], а министр по делам религии² утверждал, что «детей в лагерях принуждают отказаться от своей религии» [ISA, *Vaadat Frumkin*, 1950, p. 5]. Обвинения, озвученные прессой и израильскими политиками, касались трёх аспектов:

¹ Объединённый религиозный фронт (ивр. *החזית הדתית המאוחדת*) – объединение четырёх основных религиозных партий Израиля в один парламентский список, существовавший с 1948 по 1951 г.

² Йегуда-Лейб Фишман Маймон (1875–1962) – раввин, общественный и государственный деятель Израиля, один из лидеров религиозного сионистского движения, был министром по делам религии Кнессета первого созыва (март 1949–октябрь 1950).

1. отсутствия религиозного образования для религиозных детей (отсутствие религиозных преподавателей или принудительное обучение в светских школах) [ISA, *Vaadat Frumkin*, 1950, p. 19, 25, 29],

2. условий жизни в лагерях, недопустимых по религиозным нормам (например, совместные походы мальчиков и девочек на дискотеки, неподобающая одежда, прослушивание радио в шабат и т. п.) [ISA, *Vaadat Frumkin*, 1950, p. 31],

3. прямого давления и притеснения религиозных евреев за религиозную атрибутику или религиозный образ жизни – например, насильственное отрезание пейсов у детей [ISA, *Vaadat Frumkin*, 1950, p. 21].

Комиссия, официально приступившая к расследованию 25 января 1950 г., была сформирована из бывшего судьи Верховного суда Палестины (времен британского мандата) Гада Фрумкина, ставшего председателем, а также четырёх депутатов Кнессета, представляющих как правительственную коалицию, так и условно светскую и религиозную части правительства. То есть в состав комиссии входили два светских представителя коалиции Ицхак Бен-Цви (специалист по восточным евреям и от партии МАПАЙ) с Авраамом Альмалиахом (членом комитета по образованию Кнессета от партии «Сефарды и выходцы с Востока») и два представителя «религиозного фронта», а именно, раввины Калман Кахана и Авраам Хаим Шааг.

9 мая 1950 г. итоги расследования комиссии были представлены правительству. В нём резкой критике подвергся Департамент обучения языкам и культурной абсорбции среди иммигрантов (более известный просто как «Департамент культуры»), входивший в Министерство образования и культуры Израиля. Его главу Наума Левина как непосредственного куратора программы образования в лагерях и сотрудников признали ответственными за все недочёты в функционировании школ, игнорирование или даже попрание религиозных традиций иммигрантов. Признали виновными и некоторых инструкторов и сотрудников конкретных лагерей, в которых фиксировались нарушения [ISA, *Vaadat Frumkin*, 1950, p. 115–116].

Несмотря на проблематику отчёта, «комиссии Фрумкина» не уделено достаточного внимания как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Автором были обнаружены только четыре работы, в трех из которых «комиссия Фрумкина» просто упоминается в контексте повествования о практике притеснения религиозных евреев или восточных евреев в первые годы существования страны [Звягельская, 2012; Shenhav, 2006; Roby, 2015], и лишь одна работа [Zameret, 2002] полностью посвящена анализу комиссии 1950 г., причём как самого текста отчёта, так и исторического контекста того времени. В своих выводах Ц. Замэрэт склонен считать, что комиссия «прикрыла» правительство, освободив его от ответственности за антирелигиозные притеснения [Zameret, 2002, p. 133], а ситуацию с образованием в лагерях (и притеснениями) он объяснил осознанными действиями правящей партии, стремившейся к формированию культурного единообразия в обществе на основе светской социалистическо-сионистской идеологии [Zameret, 2002, p. 155–156]. Такие выводы очень похожи на те, к которым пришли исследования т. н. постколониального дискурса, ключевым автором которого можно считать Эллу Шохат [Shohat, 1988]. Именно в её статье впервые опыт иммигрантов в Израиле, правда, только восточного происхождения, начал сводиться к культурному расизму со стороны принимающего общества, «старожилов» – то есть «западных» евреев, сионистов, приехавших до 1948 г., дискриминировавших иммигрантов за традиционность и навязывавших свои сионистские ценности [Shohat, 1988, p. 2–3].

В рамках данной статьи автор, путём анализа отчёта «комиссии Фрумкина», хочет внести свой вклад в дискуссию о целенаправленной правительственной политике Израиля

по принудительной ассимиляции в лагерях еврейских иммигрантов, в том числе и восточного происхождения. Под принудительной ассимиляцией подразумевается навязывание иммигрантам со стороны правительства светских ценностей и обычаев доминирующего сообщества [Рыбаков, 2016, с. 177]. Автор демонстрирует, что в отчёте нет никаких существенных фактов, подтверждавших бы позицию Ц. Замэрэт, хотя культурная дискриминация в лагерях действительно существовала. Однако её инициатором отнюдь нельзя считать правительство страны: скорее стоит говорить о самовольных действиях отдельных чиновников и работников лагерей, пользовавшихся отсутствием чётких указаний и контроля со стороны непосредственного начальства.

Сам источник в переводе на русский называется «Отчёт исследовательской комиссии по вопросам образования в лагерях иммигрантов»³ и представляет собой 131-страничный документ, написанный на иврите и разделённый на шесть глав. Большая часть отчёта посвящена расследованию конкретных случаев дискриминации по религиозному признаку и анализу показаний госслужащих, ответственных за школьное образование в лагерях иммигрантов (главы I, II, III). Главы IV и V относятся к оценке потенциального внешнего влияния на израильскую политику посредством публикаций в СМИ статей о дискриминации в лагерях, что не является объектом исследования в рамках данной статьи. Особую ценность и важность в рамках исследования имеет первая глава с показаниями госслужащих, страницы 9–51, которые и будут проанализированы далее, и глава VI с выводами комиссии. Сам отчёт опубликован в свободном доступе, его можно найти на сайте Государственного архива Израиля.

ПОКАЗАНИЯ ГОССЛУЖАЩИХ

В рамках расследования члены комиссии беседовали на тему религиозного притеснения с двумя чиновниками, напрямую связанными с делами образования, и с четырьмя членами правительства, включая премьер-министра Давида Бен-Гуриона, чья беседа с Г. Фрумкиным, к сожалению, не была запротоколирована и внесена в итоговый отчёт [ISA, *Vaadat Frumkin*, 1950, p. 9]. Единственное существенное упоминание премьер-министра и его позиции по делу высказано в показаниях представителей одной религиозной организации, по словам которых, они в личной беседе Д. Бен-Гурионом в декабре 1949 г. сообщали ему о притеснении иммигрантов в лагерях, которые, с их слов, премьер-министр однозначно осудил:

Если имеется притеснение олим⁴, мы должны его прекратить, это долг правительства. [Еврейское] агентство⁵ также должно следить за этим, как и правительство. Все упомянутые факты проверю, и в партии, и на местах. Подобные действия должны вырываться с корнем [ISA, *Vaadat Frumkin*, 1950, p. 28].

Показания остальных членов правительства в лице Залмана Шазара (Министерство образования и культуры), Моше Шапиры (Министерство внутренних дел) и раввина Ицхака Меира Левина (Министерство благосостояния) были запротоколированы.

В показаниях министров примечательно следующее: все трое практически не имели никакого представления о том, что происходит в лагерях. Все они были «застигнуты врас-

³ В оригинале «ד"ר וחשבון של ועדת החקירה בעניין החינוך במחנות העולים». В самом тексте он будет цитироваться как «Vaadat Frumkin», в пер. с ивр. «комиссия Фрумкина».

⁴ Олим (ивр. עולים) – именование евреев, решивших приехать и поселиться жить в Израиле.

⁵ Еврейское агентство (оф. на ивр. הסוכנות היהודית לארץ ישראל) – сионистская организация, созданная в 1929 г. для финансирования и помощи еврейской иммиграции в Эрец-Исраэль. По соглашению с временным правительством еврейского государства получила полный контроль над перевозкой иммигрантов в Израиль и их пребыванием в лагерях перед получением постоянного места жительства. Подробнее [Романенко, 2022, с. 149].

плох» публикациями в СМИ и выступлениями политиков религиозных партий, критиковавших правительство за религиозное притеснение в лагерях иммигрантов. Неожиданность обвинений примечательно иллюстрируется словами З. Шазара, который в ноябре 1949 г. впервые от Д. Пинкаса получает запрос на регулирование министерством образования в лагерях, а в декабре им же обвиняется в «инквизиции, геноциде, насильственном попрании религии, духовном принуждении» и, что ещё более важно, в «разрушении культуры народа» [ISA, *Vaadat Frumkin*, 1950, p. 12].

Даже если предположить, что З. Шазар как член правящей партии МАПАЙ может намеренно скрывать компрометирующую партию информацию, то, читая практически те же самые показания от М. Шапиры и И. Левина, представлявших религиозные партии, утверждения министра образования и культуры кажутся более чем правдоподобными. Тот же министр благосостояния в своих показаниях говорит, что перед самым началом скандала он ездил по еврейским общинам США, убеждая их в отсутствии притеснения религии в Израиле [ISA, *Vaadat Frumkin*, 1950, p. 15].

Также примечательным в показаниях министров является и тот факт, что лишь после разразившегося скандала они инициировали собственные инспекции в лагерях с целью подтверждения озвученных в СМИ обвинений. Министр З. Шазар и его люди, посланные в разные лагеря, не обнаружили никаких нарушений: так, в лагере Бейт-Лид было множество синагог с учителями, а случаи сбривания пейсов, хоть и были зафиксированы, но объяснялись медицинской целесообразностью сбривания волос для лечения инфекционных заболеваний кожи головы (и сбривание волос распространялось не только на мальчиков, но и на девочек) [ISA, *Vaadat Frumkin*, 1950, p. 10]. Министр МВД М. Шапира, в свою очередь, лишь высказался в недопустимости того, что в лагерях, если это подтвердится комиссией, светские сотрудники неуважительно относились к религиозным чувствам иммигрантов, что, разумеется, требует категорического осуждения и искоренения [ISA, *Vaadat Frumkin*, 1950, p. 15]. Какие-то факты наличия или отсутствия дискриминации религиозных евреев в лагерях министр не предоставил.

Единственную конкретную информацию о религиозном притеснении дал И. Левин, подтвердив целенаправленное сбривание пейсов не по медицинским причинам, о котором ему лично поведал местный раввин [ISA, *Vaadat Frumkin*, 1950, p. 17].

Эта всё, что было зафиксировано в итоговом отчёте комиссии в качестве показаний министров. Поэтому, исходя из свидетельств, можно сделать следующие предположения:

Версия № 1: члены правительства, вне зависимости от партийной принадлежности, находились в сговоре и утаивали известную им информацию о целенаправленной политике притеснения религии в лагерях, инициированной втайне самим правительством;

Версия № 2: если в Государстве Израиль и проводилась политика принудительной ассимиляции иммигрантов и их притеснения на почве религии, то это происходило при неведении и без контроля со стороны членов правительства (как минимум, трёх вышеперечисленных).

Несмотря на то что всегда есть вероятность преднамеренного сокрытия информации, особенно при желании избежать ответственности за принятые решения, нет серьёзных оснований полагать, что министры находятся в сговоре. Особенно на фоне той информации, которую предоставили два работника Министерства образования и культуры.

ДЕЗОРГАНИЗАЦИЯ В ОРГАНАХ ОБРАЗОВАНИЯ

Изучив показания государственных служащих, напрямую связанных с вопросом образования в лагерях, можно с большой уверенностью заявить, что скандал, послуживший

началом к созданию комиссии, был вызван не целенаправленной политикой властей по принудительной ассимиляции религиозных иммигрантов, а той хаотичностью управления и дезорганизацией, царивших в Министерстве образования и культуры, по крайней мере, в первые два года существования страны. Это примечательно отражено в показаниях главы образовательного отдела министерства доктора Баруха Бен-Йехуды.

Официально начав деятельность после создания первого израильского правительства в марте 1949 г., Отдел образования сразу же столкнулся с проблемами. По изначальной задумке отдел должен был не открывать школы самостоятельно, а лишь выдавать разрешение и финансирование местным властям, инициировавшим открытие школы [ISA, *Vaadat Frumkin*, 1950, p. 42]. Но именно в отдел Б. Бен-Йехуды начали поступать просьбы об открытии школ, причём не из лагерей, а из разных муниципалитетов. Это вынудило Отдел образования изменить подход, начав открывать школы по запросу людей, и к моменту создания комиссии отделом было профинансировано открытие около 150 школ, причём характер этих школ (светский или религиозный) определялся пожеланиями родителей, а не отделом [ISA, *Vaadat Frumkin*, 1950, p. 42–44].

Что же касается проблемы школ в лагерях для иммигрантов, то она корнями уходит в сложившуюся в 1948 г. систему абсорбции, по которой вся ответственность за еврейских иммигрантов со страны исхода и вплоть до покидания им лагеря в Израиле лежала на Еврейском агентстве. Это подтверждается словами Б. Бен-Йехуды, что лагеря для иммигрантов, находившиеся под управлением Еврейского агентства, были вне зоны ответственности министерства:

...иммигранты начинали чувствовать себя “частью страны” только в тот день, когда они покидали лагерь: сам лагерь по-прежнему был продолжением деятельности Еврейского агентства, процесса алии. Никому и в голову не приходило, что мы должны заботиться об этих людях [ISA, *Vaadat Frumkin*, 1950, p. 44].

Уже впоследствии, как минимум с конца сентября 1949 г., Б. Бен-Йехуда, обнаружив функционировавшую в лагерях неподконтрольную систему школ, пытался обратиться к министру образования З. Шазару с просьбой передать обучение детей в лагерях в обязанность отдела, но из-за болезни министра встречу с ним пришлось отложить до конца ноября 1949 г. [ISA, *Vaadat Frumkin*, 1950, p. 45]. Но, даже получив разрешение от министра, Отдел образования вплоть до января 1950 г. не взял под свою опеку школы в лагерях, а лишь проводил обсуждения, как именно школы перейдут под контроль отдела и в каком качестве они будут функционировать в будущем [ISA, *Vaadat Frumkin*, 1950, p. 45–46, 50–51].

Таким образом, если суммировать показания Б. Бен-Йехуды, Отдел образования Министерства образования и культуры, ответственный за все дела школьного образования в стране, никоим образом не влиял на то, что происходило со школами в лагерях для иммигрантов. Сначала у отдела не было никакой информации о наличии какой бы то ни было проблемы (как и у самого министра), а в 1949 г., узнав о ситуации в лагерях, и вплоть до создания комиссии, Отдел образования лишь прорабатывал планы будущего управления школами.

Ответственным за дела образования в лагерях для иммигрантов, согласно сведениям отчёта, был сотрудник Министерства образования Наум Левин, который и подвергся со стороны комиссии наибольшей критике как виновник существенной части антирелигиозных нападков в лагерях. Однако стоит отметить, что его действия не были продиктованы указаниями свыше, того же министра образования З. Шазара (по крайней мере, в источнике нет ни намёка на это). На мой взгляд, причинами его действий были два обстоятельства. Во-первых, что было уже частично описано выше, как минимум, в Министерстве образования и культуры царили дезорганизация и отсутствие чётких инструкций и контроля,

что порождало самоуправство работников в лагерях (в том числе и самого Н. Левина). И во-вторых, на его действия оказало влияние собственное мировоззрение и убеждение в том, какая именно задача стоит перед ним и как именно её лучше решать.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ ХАОС В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ ИММИГРАНТОВ

В своих показаниях Н. Левин лишь расширил показания Б. Бен-Йехуды, дав дополнительные детали к описанию своего коллеги. Про неразбериху в устройстве Министерства: себя сам Н. Левин представил перед комиссией как начальника «Департамента культуры Министерства образования и культуры», подчеркивая курирование вопросов культуры в лагерях. В самом же министерстве его отдел назывался несколько иначе: «Департамент по делам языка и культурной абсорбции олим» [ISA, *Vaadat Frumkin*, 1950, p. 32]. Неопределённость названия департамента лишь подчёркивает неполное понимание функций и зоны ответственности департамента Н. Левина, так как, в дополнение ко всему, не было ясности, где именно функционирует Департамент – только в лагерях для иммигрантов или и в других населённых пунктах?⁶

Если лёгкую путаницу с названием, задачами и зоной деятельности департамента Н. Левина можно объяснить опущением формальностей, а не примером дезорганизации работы в министерстве, однако то, как Н. Левин стал руководить образованием, стоит отдельного упоминания. По мере увеличения числа иммигрантов в лагерях (и сроков их пребывания там) возник запрос на школьное образование. Н. Левин, с его слов, обращался в разные органы, например в Департамент абсорбции Г. Йосефталя⁷, с просьбой заняться вопросом детского образования или хотя бы выделить бюджеты на его организацию [ISA, *Vaadat Frumkin*, 1950, p. 37]. Получив отказ, Н. Левин, не обращаясь в Отдел образования, решил организовывать школы самостоятельно.

Может показаться странным, что Н. Левин никак официально не взаимодействовал с Отделом образования. И это действительно странно, только если Н. Левин не исходил из той же логики, что и Б. Бен-Йехуда: всё происходящее в лагере Еврейского агентства является ответственностью агентства. Однако надо отметить, что как только было сформировано первое израильское правительство в марте 1949 г., Н. Левин начал адресовывать министру З. Шазару письма с требованием передать вопрос образования в лагерях в руки Отдела образования [ISA, *Vaadat Frumkin*, 1950, p. 37]. Министр в своём ответе от 17 августа 1949 г. лишь дал обещание по обязательному рассмотрению данного вопроса, до завершения которого вопрос образования останется в руках Н. Левина [ISA, *Vaadat Frumkin*, 1950, p. 37].

Таким образом, получается, что вся проблема образования в лагерях изначально не должна была существовать вовсе, так как лагерь должен был быть транзитным местом, который иммигрант покидает в кратчайшие сроки. Но, столкнувшись с резким ростом количества иммигрантов и получив от них запросы об открытии школ, Н. Левин как ответственный за язык и культуру среди иммигрантов начал самостоятельную организацию школ, так как ни один из других органов, действовавших в лагерях, не имел ни средств, ни полномочий (ни, возможно, желания) для этого.

⁶ По показаниям регионального инспектора Д.Е. Лубрани – зона ответственности департамента не была определена письменно, а на практике происходила преимущественно в лагерях, но иногда наблюдалась и в ряде городов [ISA, *Vaadat Frumkin*, 1950, p. 32].

⁷ Гиора Йосефтал (1912–1962) – израильский политик, в конце 1940-х начале 1950-х гг. видный функционер Еврейского агентства; входя в состав его руководства и возглавляя департамент абсорбции, он курировал нахождение иммигрантов в лагерях.

Н. ЛЕВИН И ЕГО ВИДЕНИЕ АБСОРБЦИИ

Одной из главных причин негодования среди религиозного населения в лагерях были проблемы с религиозным образованием для детей, а именно его отсутствие или нерелигиозность преподавателей, обучавших детей Галахе. Последнее Н. Левин косвенно подтвердил, так как по его собственным показаниям он дал строгое и чёткое указание в отдел кадров, согласовывавший кандидатуры потенциальных учителей, проверять у кандидатов только их «человеческие и педагогические качества», не обращая никакого внимания на партийную принадлежность и отношение к религии [ISA, *Vaadat Frumkin*, 1950, p. 35].

Вопрос, как можно игнорировать религиозность преподавателя Галахи, остаётся открытым. Однако формально Н. Левин не препятствовал религиозному образованию. Свою непредвзятость к религии Н. Левин доказывал и цифрами. Например, количеством религиозных учителей, их было 77 человек из 157 всех учителей, числившихся в данных школах в январе 1950 г. [ISA, *Vaadat Frumkin*, 1950, p. 35]. То есть около 50% всех учителей в лагерях были религиозными (правда, с их слов, как они о том указывали в анкете). Не забыл Н. Левин подчеркнуть и тот факт, что его Департамент передавал большое количество религиозных книг в лагерь (среди которых 9400 пасхальных Агадот, 2300 свитков Эстер, 502 библии и т. д.) [ISA, *Vaadat Frumkin*, 1950, p. 36].

То есть формально Н. Левин никак не препятствовал религиозному образованию в лагерях (он его организовал), он сформировал штат учителей, поровну состоящий из светских и религиозных специалистов. Однако можно ли сказать, что Н. Левин никоим образом не давал предпочтения светскому образу жизни и не пытался продвигать его среди иммигрантов?

На мой взгляд, категорически нет. Пользуясь лишь общими указаниями министра З. Шазара о необходимости «строго соблюдать единообразие школ в лагерях», не допуская к образованию иммигрантов другие политические или религиозные организации [ISA, *Vaadat Frumkin*, 1950, p. 38], Н. Левин в «культурной» деятельности своего департамента в лагерях руководствовался «своим пониманием и своей национальной совестью» [ISA, *Vaadat Frumkin*, 1950, p. 38]. По словам Н. Левина, он считал необходимым «обеспечивать детей в лагерях тем, что объединяет, а не тем, что разрывает нацию на части» [ISA, *Vaadat Frumkin*, 1950, p. 33]. И этим связующим элементом, по его мнению, были не религиозные ценности, а сионизм.

Безусловно, Н. Левин не говорил прямо, что рассматривает сионистскую идеологию как главную составляющую гражданина Израиля, доминирующую над религией. Однако в его пространственных монологах, частично процитированных в отчёте, эта идея сионизма как связующего всех евреев фактора явно прослеживается. Например:

задача государства — не оставить каждое племя диаспоры в состоянии изгнания, а сделать его верным партнёром в великой и чудесной израильской революции, которая происходит, и проявлением которой являются Государство Израиль и его достижения [ISA, *Vaadat Frumkin*, 1950, p. 41].

Разумеется, для него под «чудесным» и «великим» может пониматься только «сионизм». Будучи начальником департамента именно по культурной абсорбции иммигрантов, Н. Левин ставил своей целью не дать иммигрантам и принимающему населению Израиля (в подавляющем своём большинстве светским сионистам) разделиться между собой, наоборот он повторял: «мы должны максимально сблизить иммигрантов и старожилов» [ISA, *Vaadat Frumkin*, 1950, p. 34]. Именно поэтому Н. Левин продвигал проекты совместных молодежных лагерей для детей иммигрантов и детей из сионистских молодёжных организаций [ISA, *Vaadat Frumkin*, 1950, p. 34–35]. Этим он не пытался оскорбить религиозных детей, поместив в один лагерь и мальчиков и девочек, что возбуждается в религиозном

обществе. Но тем самым он действительно пытался продвинуть сионистские ценности среди иммигрантов, так как в них видел ключевую связующую роль для израильской нации. И именно поэтому Н. Левин препятствовал деятельности в лагерях религиозных организаций, рассматривая их как «антисионистские [ISA, *Vaadat Frumkin*, 1950, p. 39–40], ведь они несут альтернативные смыслы и видение мира, противоречащие сионизму.

Подводя итоги показаниям Н. Левина, как и всей статьи в целом, необходимо повторить, что он действовал в ситуации, когда государство не дало ему чётких инструкций или указаний, касающихся религиозных евреев. Государственные институты Израиля лишь недавно были сформированы и не могли регулировать все сферы жизни еврейского иммигранта. В такой ситуации многие решения принимались «лицами на местах», действовавшими, исходя из конкретной обстановки и собственного понимания «правильного» и «необходимого». Поэтому нет ничего удивительного, что в рамках своих полномочий, не противореча указаниям начальства, он продвигал своё видение израильской абсорбции, пытаясь не искоренить религию, но продвинуть среди религиозных евреев светские сионистские ценности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на схожесть проблем в разных лагерях для иммигрантов, никак нельзя утверждать, что все эти действия являются политикой притеснения или принудительной ассимиляции со стороны правительства. В лагерях действительно были системные проблемы, особенно в сфере религиозного образования, а распорядок дня и поведение отдельных работников нарушали религиозные нормы. Однако на практике, как становится ясным из показаний в отчёте, правительство практически не имело никакого контроля над лагерями. Скорее отчёт констатирует халатную и безответственную работу З. Шазара как главы министерства, не контролировавшего своих подчиненных, которые в работе исходили из собственных идеологических установок.

СОКРАЩЕНИЯ / ABBREVIATIONS

ISA – Государственный архив Израиля [ISA – Israel State Archives].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Звягельская И.Д. *История Государства Израиль*. М.: Аспект Пресс, 2012 [Zviagelskaya I.D. *History of the State of Israel*. Moscow: Aspekt Press, 2012 (in Russian)].

Романенко Р.Е. Политика Израиля по расселению иммигрантов в 1950-е гг.: проблемы и противоречия. *Восток (Oriens)*. 2022. № 4. С. 145–155 [Romanenko R.E. Israeli Policy on Immigrants' Housing in the 1950s: Problems and Contradictions. *Vostok (Oriens)*. 2022. No. 4. Pp. 145–155 (in Russian)].

Рыбаков А.В. Ассимиляционная модель национальной интеграции. *Инновационная наука*. 2016. № 2. С. 177–180 [Rybakov A.V. The Assimilation Model of National Integration. *Innovation Science (Innovatsionnaya nauka)*. 2016. No. 2. Pp. 177–180 (in Russian)].

Israel State Archives (ISA). *Report of the Commission of Inquiry concerning Education in the immigrant Camps*. May 9, 1950. <https://search.archives.gov.il/search/0b07170680a37a60> (in Hebrew) (accessed: 25.06.2024).

ISA. *Vaadat Frumkin*. 1950 [ISA. *The Frumkin Commission*. 1950 (in Hebrew)].

Roby B.K. *The Mizrahi Era of Rebellion: Israel's Forgotten Civil Rights Struggle, 1948–1966*. New York: Syracuse University Press, 2015.

Shenhav Y. *The Arab Jews. A Postcolonial Reading of Nationalism, Religion, and Ethnicity*. Redwood: Stanford University Press, 2006.

Shohat E. Sephardim in Israel: Zionism from the Standpoint of its Jewish Victims. *Social Text*. 1988. Vol. 19. No. 20. Pp. 1–35.

Zameret Z. *The Commission of Inquiry Concerning Education in the Immigrant Camps during the Early Years of the State*. New York: State University of New York Press, 2002.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

РОМАНЕНКО Роман Евгеньевич —
переводчик кафедры иудаики ИСАА МГУ
им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Roman E. ROMANENKO, Interpreter,
Department for Jewish Studies, Institute of
African and Asian Studies, Lomonosov Moscow
State University, Moscow, Russia.